

К моим читателям

Первый том романа в рифмах «Красные и белые» сочинен в 2000-2002 гг., издан типографией «Диамант» (МУП «Полиграфист») в количестве 250 экземпляров. Напомню читателям первого тома, сообщу тем, кто будет знакомиться с романом впервые, что слагал стихи не в специально выделенное время за столом, а в период бессонницы, при походах пешком, при сборе даров леса; в часы поездок на дальние расстояния в автобусах, в поездах на судах.

Главная суть, содержание, смысл произведения – рассказ о жизни и судьбе потомков казаков Ведениных на р. Бирюсе Канского района, в XX веке в периоды Гражданской войны, НЭПа, коллективизации, Великой Отечественной войны, то есть мелодрама на историческом фоне. Прототипами романых образцов Ведениных являются Матонины из с. Кекур Нахвальской волости (с 1924 г. Сухобузимского района), построившими (зачавшими) поселение Матону на р. Бузим в конце XVII века в период «Красноярской шатости».

Представители этого славного рода золотопромышленников, крестьян, солдат, а также казаков Шахматовых являются моими предками

по материнской линии. В 2003-2010 годах был полностью сочинен второй том. К большому сожалению, рукопись его потерял, остались только наброски.

И все же в 2015 году начал сочинять третий том на прежних принципах о жизни и деяниях хирурга Петра Веденина, его второй жены и сына Артема в конце XX века в Москве, в Красноярске-26 (Железногорске), на Бирюсе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Хирург Веденин под Москвой
На медсестре Елизавете
Женился в годы лихолетья,
В сорок втором.
Они с женой
В Клину, в армейском лазарете
Трудились рядом у стола.
Бойцы стонали. Кровь текла
Из ран во время операций,
Особенно при ампутациях.
По взглядам, по кивкам, без слов,
Умело, в нужные моменты
Она смывала гной и кровь
И подавала инструменты.
В ночи наедине с женой
Он говорил: «Спасибо, Лиза!»
И в обстановке фронтовой
Наградой им была их близость.

***

То редкий случай, феномен:
Их госпиталь под Спас-Деменском
Враг захватил. Попали в плен –
На выживание мало шансов.
Она погибла. Выжил он
И многих пленных спас от смерти.
Их лагерь был освобождён
Лишь в сорок третьем.
В круговерти

Боев, потерь, перемещений,
Веденин, вновь в госпиталях,
С неутолимой жаждой мщенья
В груди. Со скальпелем в руках.
После войны он жил в столице, -
Известный в Армии хирург:
Не раз по просьбам за границу
Его командировал ГлавПУР¹.

В пути влюбился в проводницу,
Слегка похожую на мать
Родную. Тоже Настей звать.
Вдова. Погиб на фронте муж.
Они без лишних слов, по взглядам
Родство почувствовали душ,
И встрече оба были рады.
«Сошлись», - как люди говорят,
Вложив сакральный смысл в то слово.
Любовь и верность – вот основа
Их жизни, и ее наряд
С немалой примесью печали
Без паники, надеясь ждали
Дитя.. пятнадцать лет подряд.

II

Нет беды для женщин горше,
Чем бесплодия печать
После девочки умершей²
Не могла жена зачать.

Иногда она молилась
Тайно в церкви у икон
Слава богу то свершилось
Знать, услышал просьбу ОН.
Петр в командировке важной
Жил вне дома целый год,
И энергией заряжен,
Прибыл с северных широт³.

***

Любитель радостных сюрпризов
Не сообщил, не сделала вызов;
Дверь отомкнул без суеты,
Жена мгновенно с криком: «Ты!»
В объятия бросилась, рыдала
И целовала, целовала.

А после было упоенье!
Не отразит его мгновенья
Затасканное слово: секс.
Не то! Совсем другой подтекст!
Восторг! Пьянящее брожение
Гормонов радости в крови!
И благодарный акт творенья!
И божий дар! И лик любви!
Незабываемым тем днем
Был зачат поздний сын Артем.

III

И неважно как, откуда,
Из каких пришло начал,
Важен факт: случилось чудо –
Плод резвился и крепчал.

Вот однажды Петр спросонья
По крутому животу
Ласково провел ладонью
А под нею: тук-тук-тук.
Нет, не робкое биенье,
Не слабительная дрожь –
Озорное возмущенье:
*«Мол, не трогай, не тревожь!
По живительным каналам
Из космических глубин
Передал тебе сигналы,
Что я твой желанный сын!
Я один во всей вселенной
Только материн и твой,
Вечной жизни дух нетленный
Ваших клеток сплав живой!»*

Яркой радости вершина,
Незабытый после миг!
Дух един отца и сына
В те мгновенья Петр постиг.

IV

Тревога не казалась острой.
Но статус риска был не снят:
Известно, что рожать непросто,
Когда тебе за пятьдесят.

Мать берегла себя умело.
Помолодела. Часто пела.
И накопила целый «склад»,
Что продают для малых чад.

Все выдержали. Из больницы
С улыбкой свежей на лицах
Шли по Москве они пешком.
Он бережно, - не оступиться б, -
Нес счастья драгоценный «ком».
А Настя, излучая радость,
С букетом роз шла рядом с ним;
Нередко к сыну прикасалась;
Мгновеньями Петру казалось,
Что светится над нею нимб.
Он атеист, но было так –
Не наваждение, а факт.

Еще во чреве, до роддома,
Назвали мальчика Артемом
(В честь друга: жизнь отдав свою,
Друг спас Веденина в бою).

V

Рождение сына дерзко, круто,
Вдрызг изменило жизнь Петра.
Благословенная пора! –
Весь день расписан по минутам
С утра до нового утра.

Поносы, стрессы, плач в ночи,
Болезней скрытое коварство;
Насильно влитые лекарства,
И суета – не без причин.
Прогулки во дворе с коляской.
По вечерам стихи и сказки.
А на работе тот же спрос:
Командировки по Союзу;
К тому ж, общественных нагрузок,
Как говорится, целый воз.
Веденин всюду успевал,
Недосыпал и уставал;
Другой Петр жизни не желал.

За подвиги в войну, за труд,
Его нередко награждали.
«На пиджаке мои медали, -
Шутил он, - весят целый пуд!

VI

Но главной его отрадой
Был сын – любимое их чадо –
Вот он пополз, на ножки встал,
Заговорил. Вот из деталей
Чудо-конструкцию собрал.
Поплыл в бассейне. В светлом зале
У елки длинный стих прочел,
Из ясель в садик перешел.
Рос и подвижным, и веселым.
С большим желанием пошел
В математическую школу.
Учился хорошо; прочел
Полезных детских книг немало;
Играл с мальчишками в футбол
И на площадках, и в спортзалах;
Настырным и упрямым был,
В своих желаниях знал меру
И вдруг однажды заявил:
«Я, папа, стану инженером,
Конструктором большой ракеты
Чтобы они сквозь стратосферу

Летели аж до самых звезд!»
Отец смеялся: «Сделай это,
А по пути, там, где планеты,
Отрубишь у кометы хвост!»

Не стал пустым тот диалог:
Два раза каждую неделю

Все годы посещал сынок
Кружок космических моделей;
Стал лидером среди ребят,
Мечтавших о полетах дальних
И вот, на вечере прощальном
Артему выдан аттестат –
Один из лучших. Он был рад –
И, приложив немало сил,
В МАИ⁴ учиться поступил,
Свою мечту осуществил.

Два раза в августе грибном
На Бирюсу, в родные дали,
По Транссибирской магистрали
Плацкартом ездили втроем.

Взрыв ярких чувств! И дни чудес!
(Подобное бывает редко):
Посильный труд, походы в лес,
Походы на могилы предков.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Пять раз зима сменила лето,
Как пять ступеней у ракеты
Года энергию сожгли,
И на высококую орбиту
В состав конструкторской элиты
Артема вывести смогли.

В дипломе значилась строка
«Летательные аппараты».
Был добрый выбор. Он пока
Без суеты ждал результата.

Однажды в жаркий день июля
Артем как пуля в дом влетел
И закричал: «Ура, папуля!»
Свершилось то, что ты хотел

Мы жить в Сибирь поедem скоро,
В край, что тебя приворожил:
Под Красноярск, в закрытый город
Я направленьe получил!

II

Американцы в сорок пятом,
В конце неистовой войны,
Проникли в царство сатаны –
В энергию хранящей атом.

На волю выпустили «джина»
И в миг короткий в Хиросиме
Сто тысяч были сожжены.
Преступный акт и дерзкий вызов
Землянам! Ядерный шантаж!
Наша отважная Отчизна –
Народов евразийских страж,
Их и надежда, и кумир,
Возглавила борьбу за мир.

Ценой невзгод, ценой лишений
Трудолюбивый русский гений
В секреты атомов проник;
Семипалатинские взрывы
Восстановили справедливость.
Силен возмездия язык!

Чтобы с гарантией, надолго,
На Енисее и на Волге,
По всей границе, и в столице
Прикрыт был каждый отчий дом
Ракетно-ядерным щитом,
Возникли чудо-города –
Ресурс секретный государства⁵;
Один из них под Красноярском,
Где есть и скалы, и вода⁶.

***

В круговерти беспрерывных смен
В тверди, казалось неприступных,
стен
Горняки вгрызались метр за метром
Под началом опытного мэтра,
Строящего метрополитен⁷.

Енисей настойчиво и строго,
Не снижая ни на миг нажим,
Миллионы лет просил дорогу
В скальный яр по имени Прижим⁸.
И ему дорогу вскоре дали:
«Затекай в тоннель, наш ветеран,
Чтобы твои воды охлаждали
В ТВЭЛах разогревшийся уран⁹!»
На площадке в тысячи гектаров
У таежных гривок и болот
Жил в казармах и работал яро
Молодой отчаянный народ.
Был свершений уровень вселенский,
Небывалый, мировой масштаб!!
Созидательный возглавил штаб,
Знаменитый генерал Царевский,
Строг, высок, с осанкой королевской,
Рыцарь строек – «сталинский прораб»¹⁰

II

В город сказочный, красивый, новый,
Что поднялся у таежных скал,
Тайно разместили филиал
Знаменитой фирмы Королева;
В нем конструктор века побывал,
Эстафету славы передал
Академику-трудяге Решетневу¹¹.

***

Сюда направлен был Артем,
И в городе уютном там
Веденины купили дом.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Жизнь бойко шла. Артем радел
В буро конструкторском. Антенны
Кроил и делал их отдел,
Бывало, и подряд две смены.

Стал ездить в пункты «Зе» и «Эр»¹²,
Известные в эСэСэСэр
В Московской области. Недаром
Там проходили семинары.

Днем глубоко, с прицелом дальним,
Вгрызались в таинства наук.
А вечерами нелегально
Сбивались в экстремальный круг.

Ходили диссидента слушать,
Переступившего закон,
Вещающего как разрушить
Номенклатурный бастион.

В своем стремлении неистов,
Он разорялся от души:
«Для смены власти коммунистов
Все средства ныне хороши.

Прошу запомнить, не писать,
Инструкцию, как разрушать
За пунктом пункт: не напрягаться,
Порочить, растить тунеядцев,

Митинговать и расчленять;
Поменьше говорить о дружбе,
У молодых к армейской службе
Воспитывая неприязнь;
Похерить Пушкина и Баха.

Без всяких тормозов, с размахом,
Пусть закрепляются рефлексы
Чревоугодия и секса.
О прошлых днях не бить в набат,
Изъять победные страницы.
Косится пусть на брата бра.
Слова мелькают пусть как спицы:
«Гулаг», «репрессии», «штрафбат».
Так излагал сей «консультант»,
Известный даллесовский план¹³.

II

«А бизнес свой вести успешно
Нельзя стерильно и безгрешно;
Любым путем копите нал,
То есть первичный капитал;
Определите нужный профиль,
Купите помещенье – офис,
Пальто, костюм от кутюрье
(не вздумайте ходить в старье).

То калька не с пустых речей,
Набор чужой, оригинальный,
Рекомендаций не случайных,
Продуманных до мелочей.

Перекроют, смутят любого
Такие смачные слова.
А у какого молодого
Не закружится голова.

III

Артем после поездки каждой
Активность проявлял и страсть.
Подчеркивал надежность, важность,
Своих расчетов ипостась.

Он внешне сильно изменился,
Стал замкнутей и холодней;
И постепенно явно сбился
Ритм радостных семейных дней:

Все меньше выходов совместных
В театр, на озеро, в кино;
Все больше выпадов нелестных,
Злых шуток в адрес власти местной,
Как-будто бы всему виной
Она была.

IV

Стал уходить он каждый вечер
А на вопрос: «Куда?»
Ответил с юмором: «На вече,
Грядут нелегкие года».

Отец скорбел. Узнал, что сын
Негласно посещает ГРИН¹⁴,
Открытый, но полулегальный,
По убеждениям либеральный,
Корпоративный круг друзей –
Известных, умных, технарей.

Ночами иногда Артем
В своей уютной комнатушке
Писал, закрывшись, перед сном
И радио «Свобода» слушал.

V

Однажды на диване мать
Нашла забытую тетрадь,
Заполненную сплошь значками;
Их не понять, не прочитать,
И трудно заучить на память.

Находку отдала Петру.
Он лишь взглянул на странный труд,
На хитрых завитушек пряжу,

И понял: это тайнопись,
Ее в плену втайне от стражи
Изобрели, борясь за жизнь
Его друзья.

Петр как-то дома
Шифровке обучил Артема.
Е прочитав ни строчки текста
Сказал жене: «Верни на место
Эту секретную тетрадь!»
(Считал Веденин делом низким
Без разрешения читать
Чужие дневники и письма).
Честь сохранил, не согрешил
И твердо про себя решил:
В ближайший день найти предлог,
Вступить с Артемом в диалог.

VI

Назавтра, в среду, в день ненастный,
Когда опавших листьев медь
Асфальт покрыла слоем красным,
Пришел сын поздно. В кухне наспех
Поел, стараясь не шуметь
И в комнате своей замкнулся.

Ни звука. Но отец проснулся
Под дверью, в щель крадется свет
В его уютный кабинет:

«Артем не спит». Веденин встал,
К нему негромко постучал

Вошел и сел. Лежит тетрадь, -
Сын не успел ее убрать,
И удивился, и смутился.
Отец, не выносивший ссор,
Спокойно начал разговор:
«Артем, ты сильно изменился,
Чужим стал с некоторых пор.

Ведешь дневник, - кто их не вел, -
Но почему же тайнописью?
Я не могу никак понять,
Зачем и от кого скрывать
Свои особенные мысли.
Известно, думаю, тебе:
Интересуют КеГеБе
И убежденья, и деянья –
Листовки, митинги и взятки;
Носители большого зла
Фарцовщиков с бульдожьей хваткой.
Ну и конечно, отморозки,
Как сволочь – генерал Пеньковский.
Надеюсь я, что все вы в «ГРИНе»
Не очерняете святыни.

VII

Хочу понять, Артем, я, в чем
Мы перед вами виноваты,
Отцы рожденные в двадцатом
В семьях крестьян-средняков,
И бедняков, и батраков,
И комиссаров в шлемах пыльных¹⁴ -
Ниспровергателей основ
Эксплуатации всесильной,
В сраженьях проливавших кровь
За власть народа, за обильность
За волю, землю и за хлеб.

Спас нас – детей крестьянских НЭП.
Казалось бы, намечен путь,
Для большинства сельчан привычный,
Но если широко взглянуть
На жизнь, в ракурсе историчном,
Стал тормозом – единоличник.

Ни хлеба, ни свободных рук!
Хотя наплыв задач огромен
В стране, шагающей вперед.
И вот, двадцать девятый год
Объявлен годом перелома.

Мы строили социализм
И кропотливо, и упорно.
И над Россией пронеслись
Колхозно-яростные штормы.

Все было: классовая злость
И личный выбор: либо-либо
А потому не обошлось
Без жертв и без больших ошибок.

Но незадолго до войны
Стена колхоза укрепилась;
И поклониться мы должны
Колхозникам – опоре тыла.

Хоть велика ее цена, -
Таких потерь подлунный мир не
ведал, -
Как говорят: на всех одна
Была великая Победа».

VIII

«Отец, дай высказаться мне.
Да, на войне, как на войне,
Бывает, что вдвойне, втройне,

Оправданы людей потери
Но все же, не в такой же мере.

Да, был неистов внешний враг
И зла фашистская порода,
Но ваш архипелаг ГУЛАГ,
Не оправдать, нельзя понять

Откуда вдруг такая рать
Внутри страны «врагов народа».

Хрущев, хоть сам причастен был,
Культ Сталина разоблачил,
Его деяний беззаконность,
Но, к сожаленью, отрубил
Одну лишь голову дракону.

Нет, не изжиты, портят жизнь,
(У индивидов мало шансов),
Партийный тоталитаризм
И рецидивы одобрямса.

Застыл, не изменился строй,
Система-то осталась прежней
И до маразма дожил Брежнев».

IX

«Постой, Артем! Остановись!
Не надо низвергать святое:
Коллективизм, социализм,
Евразийские устои.

Ты забугорщикам не верь!
Давай обсудим по порядку,
Когда на волю выполз червь
Номенклатурного достатка.

Откуда? Из каких щелей?
В каких же дуплах? Где же? Где же?
Незримый подлый царь Кашей
Его хранил в яйце несвежем?
А может быть издалека,
Сознательно, из-за кордона,

Как колорадского жука
Его забросили зловонно?

Я думаю, клубок причин, -
И наших внутренних и внешних, -
Драконов порождает, сын,
Подлунный мир велик, но грешен.

Подлейший даллесовский план
Не выдумка умов досужих:
Используют любой изъян,
И лучше им, когда нам хуже.

Страшна «холодная война»,
Как и вообще любые войны;
И разрушительна она,
И не проста, и многослойна.

Да, враг достойный, по уму
И все же, все же, почему,
В каких сражениях суровых
Война проиграна ему?
Где было наше Ватерлоо?»

Х

Читатель! На вопрос Петра
И мы с тобой ответ поищем.
И многолика и остра
Дискуссий многослойных пища.

Не прост был, противоречив
Период яростный, хрущевский;
Ему записаны в актив
Рывки вперед, не мелочевка:
Свежо вздохнувшая страна,
Из рабства вырванные села,
Платины, космос, целина,
С путевками от комсомола,
Решались мирно для землян
Международные проблемы;
Распалась аж на сотни стран
Колониальная система,
И тут же перегибов рой
Прожект: построить «рай земной»
За 30 лет¹⁵; бац и готово –
То заумь позднего Хрущева
В стиле Ивана Хлестакова.

Хоть он и сам был виноват,
Его отчаянный доклад
С суровой критикою культа¹⁶
Имел сомнительный подтекст.
И сразу же из злочных мест
Забили вражьи катапульты.

И вот, пошла гулять волна
Расхристанности и чернухи;
Поднялся диссидентский вал
И многих под себя подмял;
Из недр рванули сплетни, слухи;
И компромат, и самиздат,
И вседозволенности ад.

***

Был также противоречив
Период брежневских деяний
Пакт Мира – Хельсинский прорыв¹⁷
«Застой», война в Афганистане;
В делах космических прогресс –
«Союза-Аполлона» братство¹⁸
Саяно-Шушенская ГЭС
Тюменских кладовых богатство.

Логично это, хоть и странно –
Воспринималось все, как данность:
Детясли, детсады, курорты;
Бесплатный бум больниц и школ;
Дешевый хлеб любого сорта;
Мир пионерский, комсомол;
Туризм (вверх-вниз по Енисею);
Театры, выставки, музеи.

Для всех во имя и во благо,
С заботами и без забот
Вперед уверенным шли шагом.
Обмяк! Испортился народ!

И думал, не боясь греха:
Пусть за нас думают верха,
А мы красиво будем жить,
Ворчать, критиковать и пить.

Под крышей дряхлого вождя
Взбесилась госпожа – удача,
И как грибы после дождя
Росли базары, бани, дачи;
Спецмедицина, спецларьки;
Везде богатые царьки;
Культ коньяка и колбасы,
Разгул в рабочие часы.

Застолий тьма. Вино рекой.
Дни отпусков и «дни шофера»¹⁹
Воров и браконьеров рой,
Прогулы и чай в конторах.
Разгул в рабочие часы,
Колготки, шмотки из Европы.

***

Надежду дал генсек Андропов,
Начав гонение на тех,
Кто развратился от утех
Без слов, права людей поправ,
Аресты начали с облав²⁰.
Но путь не тот, - генсек не прав.

Пусть и с немалой долей риска
С политбюро, с партийной чистки
Начать бы надо! И остыл
Андроповский короткий пыл.

***

Но вспыхнула надежда вновь,
Когда был поднят на вершину
Неугомонный Горбачев,
Казалось бы борец с рутинной.
Но быстро всех разочаровал
Сей суетный оригинал.

В речах несдержанный и бойкий;
Соцлагерь быстро развалил
И безоглядно объявил
Сомнительную «перестройку»;
Всех удивил его посыл:
«Мол, все, что не запрещено,
У нас в стране разрешено».

На многое запрета нет
На уровне официальном:
Пердеть, плевать и туалет
Справлять на паперти и в спальней;
Ходить, в чем мама родила,
И гнезда разорять до тла.

Казалось бы, лишь дураки
И те, кто до конца расхристан,
Не понимают этих истин.
Но не скажите! Вот нудисты
Лежат на пляже у реки:
Скинхеды и сексуалисты
С приставкой гомо – та братва
Настырно бьются за права.
Дай только повод, и нечистый
Пролезет вдруг в любую щель.
А у него какая цель?
Конечно же не созидать
Все разрешать и разрушать!
И как на пахоту грачи
Вдруг стаей хлынули рвачи,
Бичи, бандиты, проститутки
И лицедеи-смехачи.
Казалось бы какие шутки,
Когда в стране беда, разлад?
Но обсирали все подряд.
И даже Миша Евдокимов,
Алтаец, Шукшина земляк,
В шапчонке рваной набекрень,
«На веретно встряхни» фуфайкой,
В пимах, с фальшивой балалайкой,
Понес такую дребедень²¹.

В России сотни деревень
Петр посетил, но ни в одной
Не встретился типаж такой.

XI

Мы в мир ушедший сделал экскурс
В попытке поиска причин,
Вернемся в дом, где спорят резко
Веденины – отец и сын.

«Я думаю, что очень скоро
Наступит время выбирать,
Что делать и куда шагать.
Надеемся – и я, и мать,
Что ты не дашь себя прогнуть
И выберешь достойный путь».

«Отец, что значит путь достойный
Я выбор сделал – путь борьбы
С номенклатурой многослойной,
За честный и свободный быт.

За рынок строгий, не стихийный,
За вольную многопартийность

«И мы, со стажем коммунисты
Не против, сын, реформ таких;
Эволюционный путь не быстрый
По по внедренью их,
При сохранении основ
Советской власти, ленинизма.
За принципы социализма
Не зря мы проливали кровь,
С боями из сетей фашизма

Европу вырвали.
И вновь,
Прет, на арену рвется частник;
И не гармонию и счастье,
А много бед он принесет:
Присвоит все, что только сможет,
Народ от власти отстранит,

Страну развалит и стреножит –
Известен «волчий» аппетит.

Ему поможет заграница
Путем подачек, инвестиций
Нам это надо?! Потому
Чужому дай отлуп уму
И прекрати ходить ты в «Грин»
Не суетись над бездной, сын!»

«Нет! Поздно! Мы вперед идем
Верным путем, мирным путем
Пока. Но если будет надо
То двинемся на баррикады».

***

А через сутки хмурым днем
В столицу улетел Артем

ГЛАВА ВТОРАЯ

Год 91-ый. Лето.
Спешит, вращается планета, -
За оборотом, оборот, -
Ждут перемен в стране Советов.

Не блуд очередной в трех соснах,
При горбачевской суете,
Вопрос серьезный, судьбоносный,
И ставки далеко не те –
К последней подошли черте.

Каков у государства статус?
Был референдум. В результате
Из десяти – каждые восемь
Сказали ДА стране родной
Желаем жить; в стране одной
Как в прошлом на земле отцов
На протяжении веков.

Но Миша – путаник известный
Народной волей пренебрег,
Все заболтал, под Запад лег
И «Огаревские процессы»¹² придумал –
Свод пустых речей.

И вот возник ГеКаЧеПе!
Казалось бы, замолкнут споры,
И выйдем на привычный путь,
Но Генеральный смылся в Форос,

Надеясь, что легко и скоро
Все рассосется как-нибудь.
Не обошлось! Не те «умельцы»,
Что шли в 17-ом году.
Большой России на беду
Из недр ее поднялся Ельцин
С «всеядными» в одном ряду.

Средь них: Лужков, Попов Гаврила,
Да и другие господа;
Их породила и взрастила
Номенклатурная среда.
Без боя сникла и сдалась
Коммунистическая власть.

Слегка подвыпивший «мутант»
Перед толпой залез на танк
И двинул речь: «Мол, мы страхнем
Рядно партийного диктата;
Не будем жить под колпаком,
Демократическим путем
Мы впредь пойдем – изменим статус».

Он власть советскую ругал
В своих желаниях неистов;
Его сподвижников кагал
Арестовал гекачепистов.

Коварен злых посулов яд
Для всех людей, и для солдат,

А генералов целый ряд
Увял, затих, кумиру вторя.
Шесть замечательных ребят
Сгорели в бронетранспортере.

В толпе кричащей и шальной
Погибли трое диссидентов
(Им тусоваться не впервой
В такие острые моменты).

Решили похороны их
Использовать, как некий символ;
И в ранг «борцов, почти святых
Их вознесли с геройским нимбом
Нет, не был этот «митинг» свят;
Был фарисейским и дешевым:
Без меры, семь часов подряд
Передавали телешоу.

Веденины отец и мать
Смотрели на экран крамольный
Задумчиво, с душевной болью:
В Москве их сын, он не дал знать,
Где он, с кем он, в какой он роли.
Их мольбы, знать, услышал бог –
Вернулся вовремя сынок

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Прошло два года. Срок немалый
Для сложных, роковых времен
Прозападные либералы
Атаковали властный трон
Спец по фамилии Москвич²³
По краевому микрофону,
Закон поправ, внешне резонно,
Взять власть втихую бросил клич.

В чем суть проблемы? Почему
Никто не возразил ему?!
Ни горожане, ни сельчане,
Ни «гегемон» - рабочий класс;
Ни полчища интеллигентов,
Ни комсомольцы и студенты
Не поднялись в урочный час.

А это значит, это значит,
Никто не знал больших забот,
Был обезличен, околпачен,
Привыкший жить легко народ.

Союз распался. В дни лихие
В его преемнице – в России
Ввели конституционный строй:
Во имя частника, нелепый;
Не без влияния Госдепа
Идеологию изгнав,
Похерив вековые скрепы

Соборности и личных прав.
Установилось двоевластье
По всей России – там и здесь,
И в Красноярске – 26.
Направо – мэр, Совет – налево,
У каждого свои права,
А впереди пути лишь два:
Объединиться, вмести быть
И власть Светов сохранить;
Или под западный напев
С колониальным результатом
Отдать, доверить власть толпе,
Ларечникам и дерьмократам.

В Росси в большинстве семей
Шла перепалка поколений:
Куда, с кем плыть по морю дней
Во льдах разрухи и сомнений?
При этом мирным плыть путем,
Душевный получив надлом,
Потух, скукожился народ.
И что-ж? – стал фактом «русский крест»²⁰
Уходов больше, чем рождений,
По миллиону каждый год!

***

В семье Ведениных без стужи
Установился компромисс –
И спорили, и жили дружно,
И либерал, и коммунист –

Горяч и помыслами чист.
(Пётр консультантом был в совете,
Сторонник просоветских мер);
Артема же давно приметил
Владимир Кретов – первый мэ²¹.
Их «хлеб» - космическая фирма
забуксовала,
Замерла; заказов и финансов мало;
Опущены ее крыла.

Для выяснения обстановки, -
Настырен, опытен и смел, -
Артем в Москву, в командировку,
По просьбе мэра улетел.

Хоть редко, но звонил. И вот,
Очередной переворот
Как порожденье лихолетья,
Вновь в центре грянул, в октябре,
Теперь уж в 93-ем.

II

В стихах не буду излагать
Канву событий на Арбате,
Расстрел парламента. Послать
Хочу лишь гроздь злых проклятий
Тем, кто приказы выполнял
Преступные и убывал
Сторонников советской власти;
Их разрушительный кагал

Принес стране «букет» несчастий.
Кровь пролилась. Вскипела злость, -
Переворот-то хулиганский, -
Но хорошо, что удалось
Не допустить войны гражданской
Не драться надо – созидать!

***

Веденини – отец и мать
Переживали.. Не унять
Тревоги.
Сердце не на месте –
Прошло уже немало дней –
От сына никаких известий
В который раз приносит боль
Неугомонное их чадо
Петр вспомнил брошенные вскользь
Его слова о баррикадах.

«Неужто ринулся он в бой
За «Гриновские» идеалы? –
И стыдно позвонить домой,
И помириться, как бывало».

Узнал, что в фирму Решетнева
Не выходил на связь давно он.
Казалось бы, какая связь
Между событием московским,
Когда сменились строй и власть,
И рядовой командировкой.

Но вопреки, но вопреки,
Логичным доводам рассудка
Тревожило вторые сутки
Предчувствие в семье беды.

И вот, лежат отец и мать
После суровых откровений;

Она не может слез унять,
А он – душевное волнение.
Петр знал: духовный мир не прост,
Нередко иррационален;
И все же есть астральный мост
В стихию чувств, в иные дали.

Из космоса, пронзая тьму,
Через незримые каналы
Понятны сердцу и уму
Идут тревожные сигналы.

Их не отринуть, не смахнуть,
Послушными шарами в лузу;
Нельзя словами обмануть
Тех, с кем в семейный связан узел.
Боль снять Веденин не сумел.
Лежал, дремал, листал в уме
Он в книге бытия страницы,
Историю в делах и в лицах.

Лихие предки, - каждый яр, -
Из Устюга по многим рекам
Приплыли в буйный Красноярск²⁴
В конце семнадцатого века.

Негласно, но казачья власть
По всем острогам разлилась.
Известно, что царь Петр Великий,
Повысив свой авторитет

После блистательных побед,
Продолжил дерзостно, на пике,
Спираль реформ и вглубь, и в ширь;
Со свитой посетил Сибирь²⁵.

Был и в Тобольске, и в Тюмени
В домах богатых казаков;
Все вызывало удивленье:
Лабазы, полные мехов;
Амбары с рожью и с пшеницей,
Усадьбы, кузницы, суда
И верфи; лошадей стада, -
Такого нет по-за границам.

Какой размах! Какие лица!
Активны люди и смелы,
Несуетливы и не злы
Без спросу собрались на сход
У губернаторских ворот;
Не разогнать такого схода,

Послушай-ка царь глас народа:
«У сотников и атаманов,
У воевод и у дворян,
На первом месте свой карман.
Грубы, нахальны, нечестны,
К себе не пустят без пушнины;
Из жалованья – из казны.
Себе умыкнут половину.
И губернатор, хоть и князь²⁶
Такую же имеет страсть,
Мздоимству крупному поташник.
Неужто притупилась власть
И нет управы настоящей!»
И понял Петр, от злобы черной,
Чтоб сохранить и власть, и честь
И сбыть местечковую спесь
Лишь только жесткий выход есть:
Князя на виселицу вздернуть,
А самостийных казаков
Пока не поздно урезонить –
Оставить малость в гарнизонах,
А большинство лишить основ,
Пусть без гордыни и без чванства
Живут в условиях крестьянских²⁷.

***

Так перейдя в крестьянский статус,
По сути бывшие солдаты
Из казаков на Бирюсе,
На подтаежной полосе,

Веденины – три кровных брата
Деревню зачали и в ней
Безвыездно три века жили.
Уже полсотни их «ветвей»
Одну фамилию носили.

Древо династии росло,
С годами расширялась крона;
Создали в вотчине село
Неугомонные чалдоны;
С желаньем посещал народ
Параскавеевский приход²⁸.

Строги, дружны, славны трудом,
По-прежнему с казацким нравом
В Сибири не было притом
Помещиков и крепостного права.
Но строй империи жесток...
Рос поселенческий поток²⁹
Неуправляемый, мобильный,
Из уголовников, из ссыльных,
Из отслуживших срок солдат,
Из неимущих иждивенцев,
Бродяг из маргинальных стай.
И плановых переселенцев³⁰
Все нарастал и нарастал
«Девятый» социальный вал;
Ускорился событий бег,
Лихие люди к власти рвутся

В историю вонзился век
Кровавых войн и революций
Не наваждение, не мор,
Не дьявольская чертовщина,
Напор столыпинских реформ
Крестьянство расслоил в общинах.

По ходу бойни мировой,
Для люда русского ненужной,
Многовековый царский строй,
Накренился и занедужил

Февраль 17-го смел
Монархию, ее престол,
В пользу эсеров и кадетов
Октябрь из глубины веков
Под знаменем большевиков
На сцену вывел Власть Советов.

То революции был взрыв,
Начало Красного проекта,
Народный яростный порыв!
И Ленин – главный «архитектор»
Сгорел в борьбе, установив
Развития победный вектор.

Гражданская война. Отца –
Бойца и члена войревкома
Пришли и расстреляли дома
Не помнит Петр его лица.

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ

А годы бойкой чередой неслись,
Кругом кипели страсти;
Крестьяне примеряли жизнь, -
По своему, - к Советской власти
У них в тайге на Бирюсе,
Как отблеск непростой эпохи
Играли Красные сполохи.

Зимою думая о лете,
Желая сытой жизни всем,
Сходились мужики в Совете,
Пытаясь, косяки проблем
Загнать в общественные сети.

Не раз, не два дотошный внук
Ждал деда, втершись в середину,
Куда от лампы светлый круг
Не доходил, дробясь о спины.

Борясь с липучей дремотой,
Глотая дым от самосада,
Он слушал речи и доклады,
Улавливая смысл порой

Из тысяч слов, кондовых, новых,
Замысловатых и простых
Он выделял три главных слова,

Что было всех речей основой,
И все крутилось вокруг них.

На первом месте слово ХЛЕБ!
Ради него какой-то НЭП
Пришел издалека, оттуда,
Где главный заседал Совет;
Для хлеба выделялись ссуды,
Его распределял комбед.

Звучало рядом слово НАДО!
Купить, продать, засыпать, сдать,
Построить, выкосить, вспахать –
Все надо! Надо! Надо! Надо!

И также вспоминалось часто
Крутое слово депутат!
Что общий интерес, не частный
Они пытались мир несчастный
Настроить на счастливый лад.
Судьба у них имела сходство
С судьбою старого Серка:
Тяни, вези, пока везется,
Иначе – подставляй бока.

Они на сходках в школьном зале
Декреты важные читали,
Держа ответ со всех сторон.
Но депутатов почитали,
Их воля - для сельчан закон.

Гордился Петя, не скрывая,
Тем, что любимый дед Кирилл
Активным депутатом был,
Известным в Бирюсинском крае.
Служенья обществу науку
Дед передал навечно внуку.

***

Двадцать шестой хороший год,
Запомнился он, вне сомненья:
Никто не ждал, что в дом войдет
Степан Иванович Веденин.

Умелый, смелый человек!
Красивый! Любящий! Любимый!
О всех делах незаменимый,
Достоин проживший свой век.

Колхозник. Сельский активист,
В округе лучший тракторист,
В столицу прибывший танкистом,
Смекалист, помыслами чист,
Расчетлив, храбр, в боях неистов
Погиб и похоронен в Истре.

И всю войну в краю родном,
В тылу – на фронте трудовом
Геройски, в ритме напряженном,
За часом час и день за днем
Трудились матери и жены.

Ведя колхозные дела
Смело, застрелена была
Тетка Веденина Матрена.

Славна, героики полна
Крута история их рода,
Но сердце рвущая волна
Сжимает грудь в тисках холодных.
За что расплата? Где ответ?
Что делать? Нервы на пределе.
Колом засело в голове
Подлое слово: неужели.
В Октябрь пролез гнилой Февраль,
Заполнив белым ядом щели –
Страны не жаль и жертв не жаль
В России людям - НЕУЖЕЛИ?

Не вскочит чирей без причин –
Недаром появился «Грин»,
Страну спасти мы не сумели³¹;
Вершина рода – его сын
Выступит против: НЕУЖЕЛИ?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

В час экстремальный и печальный,
Хотя уж к перелетам дальним
Отец был не готов. И стар.
С собою взяв набор лекарств,
В столицу прибыл. Дни мытарств
Упорно начинал с рассвета:
По офисам и кабинетам,
По общежитиям ходил.
В «Роскосмосе» сказали: «Нету!»
Домой, наверно, укатил.

Душевных болей не унять!
Вдруг вспомнил Петр, что у Артема
В Москве есть друг, Кириллом звать,
Когда-то и ему знакомый,
С фамилией редкой. Упросил
Спецов в бюро, те без морали,
Уважив старость, адрес дали,
Пошел искать – хватило сил!?

Вот нужный адрес. Из подъезда
Старушка вышла: «Вы, любезный,
Кого-то ищете?» - «Ищу!
Я из Сибири, я нездешний.
Кирилл Петрович Полищук
Здесь проживает?» - «Да, конечно! –
Хоть он и молод – знаменит,
Как говорят, не лыком шит –
Поэт, оратор, эрудит».

Конечно, в форме диалога
Поговорили обо всем,
Не задираясь, и в итоге
Раскрылся, наконец, Артем.
Вы знаете, кипели страсти
Между правительством и властью,
Между «Арбатом» и Кремлем.
Все ждали: скоро грянет гром,
В стране два разных президента³².

Сказал он: «Стал я ельцинистом,
Против засилья коммунистов
И даже был вступить готов
В отряд его «боевиков»³³,
Чтобы сражаться до конца.
Но выбор сей тревожит душу:
Я по-предательски нарушу
Заветы дедов и отца».

Мы дискутировали долго,
Наш общий вывод был такой:
На первом месте чувство долга
Перед Отчизною родной,
(Обширной, мирной, деревенской)
Перед солдатами Смоленска,
Полтавы и Бородино –
Перед поморами лихими
И предками сибиряков
Из волжских, терских казаков.
Перед бойцами с красным флагом

И перед жертвами ГУЛАГа,
Да..... золото и лес;
Перед строителями ГЭС
И множества великих строек.

А Ельцин, - есть тому сигнал, -
Сверхагрессивно был настроен,
Под Запад лег, права качал
С каким-то яростным апломбом
И мы в тот день остались дома!

Артем случайно встретил вновь
В автобусе бывших дружков.
Они кричали, угрожали:
«Мол, трусил ты и предал нас..
Утопим мы тебя в канале».
Вполне могли – водитель спас.
Увез его я жить на дачу
Вблизи вокзала. И удача:
На поезде Москва-Пекин
Уехал в Красноярск ваш сын».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

Прошло полгода. На орбите
Веденинских и зим, и лет
Узлы семейных двух событий
Оставили навечно след.

Артем женился, двое суток
Гудел на свадьбе весь отдел.
Семья жизнь изменила круто,
Но не отторгнула от дел.

Его избранница Людмила
В яслях работала врачом,
Была приветливой и милой,
Ласкала мужа и любила,
Ее боготворил Артем!

***

А в марте схоронили мать
(Аппендицит взорвался гнойный)
Ей не хотелось умирать..
Что ж? В ..... мир ушла
достоинно.

Петр до конца предсмертных мук
Сидел с женой на койке рядом.
Прощай родной, любимый друг,» -
Она сказала добрым взглядом.
А за семейный их порог,
Как будто и не уходила.

Веденин был не одинок,
Жил вместе с сыном и Людмилой.
Тут день рожденья принесла,
Как и всегда в начале мая
Взрывная, яркая весна,
По счету семьдесят седьмая.

II

В мир детства, где еще юнцы,
Любопытны и наивны,
Мы Родине слагаем гимны;
Где наши деды и отцы
Трудились истово, молились,
Пусть не надеялись на милость,
Глухих потусторонних сил;
В край светлый, что навеки мил,
Нас призывает ностальгия
Нам не нужны края другие!

Веденинские сны нередко
Водили по дорогам предков,
Несли одну и ту же весть
(Как наваждение, как болезнь):
«Ты почему опять забыл
Село родное, где родился?
Как сына ждет тебя оно
Неужто глух и возгордился?»

***

Как наяву во всей красе
Стоят таежные увалы
И ледоход на Бирюсе,
И отчий дом, и сеновалы.

Однажды ночью, как воочию,
Плывет он в лодке. Тишина.
Как будто чем-то озабочена
Плутает в облаках луна.
Друг резко, близко у окна
Раздался трубный звук марала.
Вскочил! Отбросил одеяло!
Как в прошлом рядом спит жена?
И зов то был – сомнений нет!

III

И вспомнил Петр - в 15 лет,
Позвал в тайгу его сосед:
«Скоро сентябрь. Долой утехи!
Поедем добывать орехи!»

Таежник опытный, бывалый,
И дедов сват (по кличке Шалый)
В поход на дальний перевал
Помощником подростка взял.

Там на Увале, в хвойной дали,
В тайге, в пред.....риях Саян,
Избушки малые стояли,
Туда и плавал Селифан.

Три дня на веслах и с шестом,
И по-бурлацки бережком
Дощаник с грузом поднимали
По обмелевшей Бирюсе.

Дни августа во всей красе
И ублажали и сияли.
Светило солнышко. Лист плыл
Ни гнуса. Ни промозглой стыни.
Туманы были негустыми,
А ночи звездные теплы.

***

Пять суток кряду до упаду
Тяжелым колотом: там-там!
Нещадно били по стволам,
А сверху резко, как снаряды,
Летели шишки к их ногам.

Рыбачили порой ночной –
Ходили с сетью наплавной.

Однажды в полной тишине
Сидели в лодке. По теченью
Ее несло. Вдруг в отдаленье

Кедровка вскрикнула во сне,
В прибрежной чаще затрещало.

Стоял, прислушиваясь, дед
И вот, раздался зов марала
«Самец! У них начался гон,

Подругу кличет, ищет он.
Сейчас дадим ему ответ!»

Уверенным движеньем Шалый,
Азартен, но подтянут, строг,
Достал из сумочки манок.
Что цел рожок тот убедился,
Поднес к губам между усов:
Звук по окрестности разлился,
Похожий а маралий зов.
Бежал, спешил строптивый зверь, -
В другое время осторожный, -
На звук пленительный, но ложный –
Все нипочем ему теперь
Инстинкт его на гибель гнал,
И на еще один сигнал
Он бросился безумно в реку.

Не то что зверя, человека
Призывом можно обмануть.
Известен у природы путь:
Штампует многие века
Одну и ту же ДезНка,

Лишь выживай и размножайся,
Да сатане не поддавайся.

Вот Он, - в обличье Селифана, -
Топор тяжелый подает:
«Когда марал к нам подплывет,
Я притяну его за уши,
А ты стой рядом, будь готов,
Бей обухом промеж рогов
Петр был всегда во всем послушен,
Но в тот необъяснимый миг
Слились в одно: марала крик,
Похожий на игру обман,
Злой, суетливый Селифан,
И роль убийцы – палача.

Он чуть не потерял сознание.
«Нет!» - что есть силы, закричал
И выбросил топор. Марал
Уплыл. В бредовом состоянии
Петр долго в лодке пролежал.
Договорились: будет лучше,
Если нигде и никогда
Они про этот острый случай
Не сообщат и не озвучат
Его детали. Шли года,
Хранилась тайна. Селифан
Унес ее в небесный стан.

IV

«Нет! Не случайно, не случайно
Позвал и вспомнился марал,
Как это не звучит банально,
Но Петр душевно захворал

На протяжении двух дней
Болезнь его не отпускала.
Он яростно боролся с ней.
И снова утром в тишине,
Как будто в явь, не во сне
Раздался тот же зов марала.
Петр встал и подошел к окну,
Типичное сырое утро;
Дома еще у сна в плену,
На кленах капли перламутра;
Шуршанье по асфальту шин,
Автомобильные сигналы.
И, вероятно, шум машин
Воспринял он как рев марала.

Решил: откликнусь я на зов, -
Пока ходяч, пока здоров
Вмиг соберусь и съезжу срочно
В родную вотчину, в дом отчий.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

На поезде весенним днем
В особый мир, знакомый с детства,
Веденин прибыл. Вот и дом,
Ему доставшийся в наследство.

Он покосился и осел,
И постарел, и почернел,
Как будто опыленный сажей.
Но в целом крепок был и цел
Дом-терем с двухсотлетним стажем.

Вокруг из толстых плах листовяжных,
В пазы уложенных, забор,
Под общей крышей старый двор –
Сплошная цепь строений важных.
Хлев, баня, зимовье, амбар.
Их не унес, не смел пожар;
Не растащили. Потому,
Что в теплом и большом доме
Сохранности двора гаранты
Бесплатно жили квартиранты.

Веденин, соблюдая такт,
С ними легко вступил в контакт:
«Я месяц поживу у вас
В на лето срубленной пристройке
Все есть там: этажерка, койка,
Стол, табурет и свеч запас.
Я в прошлом в ней живал не раз.

II

Назавтра, утром, в воскресенье,
Дорожных стрессов сбросив груз,
В великолепном настроенье,
Надев двадцатых лет картуз,
Пошел по улице Центральной:
Направо – длинный ряд домов;
Налево же, поток кристальный
И под поверхностью зеркальной
Весенний синий небосвод
И солнца яркое сиянье.

Долго сидел, смотрел и слушал...
Живой, святой и вечный мир,
Словно волшебный эликсир
Лечил израненную душу.

А день вступал в свои права
В бесцеремонном майском стиле;
Урчаньем тишину прорвав,
Поехали автомобили;
Толпился суетный народ
У небольшого магазина, -
На солнце щурился, - и вот
Сел рядом на скамейку чинно
С бутылкой «коньяка» мужчина.

«Позвольте!?! Встреча, как виденье, -
Я Вас узнал, хирург Веденин!
Что это Вы, сомнений нет:

Висит в музее Ваш портрет,
Вы ожидаемый наш гость».
Петр, в сторону отставив трость,
В порыве радостном, без звука,
Пожал протянутую руку.
А собеседник продолжал:
«Как будто бог вас к нам послала;
Весть чудо-птица принесла.
Мы трехсотлетие села
Готовимся отметить летом.
Я председатель сельсовета
Недавно землякам, гостям,
Отправил много телеграмм.
Конечно, в том числе и Вам.
И вот такой сюрприз ответный!

В сегодняшний воскресный вечер
Перед кино, часов с шести
Я предлагаю с Вами встречу
В ограде клуба провести.

Напишем яркую афишу,
По радио объявим сбор.
Отправим юрких ребятишек
С хорошей вестью в каждый двор!»

Договорились! Петр Веденин
Дар милой Родине привнес;
То был, без всякого сомненья
Его судьбы апофеоз.

Из тысячи, в селе живущих,
Таежников, сибиряков,
От пацанов до стариков
Пять сотен собрались послушать
Историю своих отцов.

---//---//---//---//---//---

В вечер особенный, памятный,
Тот, завершая сход,
Деньги собрать на памятник
Твердо решил народ
Установить любовно
У расстрельной стены,
На нем написать три слова:
«Жертвам Гражданской войны!»

2015 – 2020 гг.

Примечания:

- 1 «Его командировал ГлавПУР» - главное политическое управление Красной (Советской армии).
- 2 «После девочки умершей» - у второй жены П. Веденина Анастасии от первого (неудачного) брака умерла дочь.
- 3 «Прибыл с северных широт» - хирург П. Веденин плывал на атомоходе «В. Ленин».
- 4 «В МАИ учиться поступил» - в Московский авиационный институт
- 5 «Ресурс секретный государства» - в 1944 – 1960-х годах в СССР возникли более двадцати новых секретных городов по линии Министерства обороны, Средмаша и других госструктур.
- 6 «Где есть и скалы, и вода» - в 1948 г. по стратегическому плану обороны было решено разместить реакторы по производству оружейного плутония в скалах, где по расчетам производство должно было сохраниться и при ядерных взрывах врага. В центре Сибири начались поиски нужных мест. Сначала в Томской области. Но гендиректор Норильского ГМК А.П. Звонягин, проплывая много раз из Атаманово, из Дома отдыха «Таежный» предложил исследовать Атамановского кряжа между д. Шивера и с. Атаманово. в мае 1949 г. начались исследования, которые показали, что скальный монолит здесь уходит далеко вглубь земли. Для реакторов-размножителей нужно много холодной воды. Было ре-

шено установить реактор в скалах Атамановского кряжа, беря воду из Енисея.

7 «Строящего метрополитен» - горными работами в Красноярске-26 по выемке пород из скал в «горе» руководил генерал Эсакия – один из главных строителей Московского метрополитена.

8 «Миллионы лет просил дорогу в скальный яр по имени «Прижим» - между _____ км Енисей тогда по трубе между скалами Атамановского кряжа. Здесь четыре переката. На Средне-Шиверском поток, размыв оконечность острова Потехина

9 «В ТВЭЛах разогревшийся уран!» - ТВЭЛы – тепловыделяющие стержни, внутри которых заполняют «колбасками»-цилиндриками из спрессованного обогащенного урана

10 «Сталинский прораб» - так журналисты называли генерала М.М. Царевского, руководителястроек первых пятилеток в г. Горьком, на Кольском полуострове и др. В годы войны он командовал 2-ой Саперной армией. После войны участвовал в строительстве и пуске «Семипалатинского полигона». Его лично знал И.В. Сталин. 15 апреля 1950 г., М.М. Царевский прибыл в поселок Майку, где был забит первый кол новой атомной суперстройки («первый» кол по строительству города был забит позже).

11 «Академику-трудяге Решетневу» - в 1954 г. в новый город Красноярск-26 был переведен фи-

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ

лиал космической фирмы С.П. Королева по строительству ракет и космических кораблей (КК). лет производством руководил последователь Королева, М.Ф. Решетнев, получивший звание Героя социалистического труда, академика. В Красноярске-26 бывал и сам Сергей Павлович – «похититель огня».

12 «Стал ездить в пункты «Зе» и «Эр» - тесные научно-производственные связи у НПО ПМ и мехзавода Красноярска-26 были в городах Зеленогорске и Реутово Московской области.

13 «Известный даллесовский план» - руководитель ЦРУ Аллен Даллес разработал план по разложению общества в СССР.

Американцам удалось многое из этого плана.

14 «Негласно посещает ГРИН» - одним из «отрядов» по разрушению СССР стала прозападная техническая интеллигенция. В космической фирме Красноярска-26 возникло, имеющее легальный статус «общество гражданских инициатив» (ГРИН) под руководством Кретьова (первого мэра).

15 «И комиссаров в шлемах пыльных» - ????

15 «Прожект – построить «рай» земной – за 30 лет» - в 1956 г. генсек Н.С. Хрущев заявил, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (примерно через 30 лет).

16 «Его отчаянный доклад с суровой критикою культа» - Н.С. Хрущев сделал «секретный» вне-

плановый доклад «О культе личности Сталина и его последствиях». С докладом были ознакомлены все коммунисты и комсомольцы» СССР, то есть, в принципе, весь народ. Об этой хрущевской акции до сих пор идут жесткие споры – то было «точкой обратной реакции» (перелома) периода советской истории, приведшего мирным путем к краху СССР и соцлагеря (переход от социализма к дикому капитализму), то есть к проигрышу в «холодной войне».

17 «Пакт Мира – Хельсинский прорыв» - в 1975 году на совещании держав в г. Хельсинки было подписано соглашение о мирном сосуществовании. Так называемая «4-ая корзина» (идеологическая) стала ошибочной для СССР и соцлагеря.

18 «Союза-Аполлона» братство» - в 1975 году состоялась стыковка космических кораблей «Союз» и «Аполлон» - положительная акция по совместному освоению космоса

19 «Дни отпусков и «дни шофера» - в 70-80 годах пьянство приняло угрожающие размеры в самых разных формах, в том числе в корпоративных собраниях на производствах, в банках, в школах. Пятницу остряки прозвали «днем шофера». Неумная шутка, как бы оправдывающая тех шоферов, кто после трудовой недели перед праздниками напивался (в рабочие дни их перед выездом проверяли).

20 «Аресты начали с облав» - в 1983-1985 годах, при Ю. Андропове, пытаюсь искоренить разрушитель-

ные тенденции, привычки, нравы в Москве стали оцеплять «пяточки» у магазинов, стадионов, на вокзалах, проверять документы, выяснять, почему оказался в рабочее время не на месте. Естественно, в эти сети попадало много людей без умысла, что вызвало вал недовольства.

21 «Понес такую дребедень» - артист эстрады М. Евдокимов играл под сельского старого неграмотного дурковатого типа, которыми по сути были единицы. Став губернатором Алтайского края, он погиб на трассе («бог наказал»).

22 «И огаревские процессы» - в 1991 году в марте на референдуме более 70 % советских людей высказались за сохранность СССР. Вместо того, чтобы немедленно заключить новый союзный договор М.С. Горбачев придумал (некоторые считают, что стал предателем) сборы руководителей республик в Огареве («Огаревские процессы»). Дело затянулось и окончилось крахом в августе.

23 «Спец по фамилии Москвич» - в конце 1991 года, КПСС выпустила из рук власть. И в регионах, в частности, в Красноярском крае, грамотные спецы-либералы смело выступили по радио и телевидению о переходе власти к ним – к либералам, провозгласившим авторитет частной собственности, но с ограничением права, пренебрежение мнением большинства и др. Как выразился А. Зиновьев «стреляли в коммунизм, а попали в Россию». И

народ, по его мнению предал сам себя. До сих пор невыясненный вопрос – почему?

21 «Владимир Кретов – первый мэр» ????

24 «Из Устюга по многим рекам приплыли в буйный Красноярск» - Матонины (прообраз Ведениных) прибыли на Енисей из Устюга в конце XVII века в период «Красноярской шатости», когда в Красноярском уезде казаки из Острога изгнали воевод и временно власть принадлежала им в лице избранных «судеек».

25 «Со свитой посетил Сибирь» - Петр I в 1717 году приезжал в Сибирь, в Тобольское наместничество.

26 «И губернатор, хоть и князь» - Тобольским губернатором в ..... гг. был князь Гагарин.

27 «Пусть без гордыни и без чванства живут в условиях крестьянских» - не без причин боясь самостоятельности сибирских казаков Петр I перевел 90 % их (кроме реестровых по охране гарнизонов в другие сословия, прежде всего, в крестьянское. Казачество в широком плане стало восстанавливаться в России в 30-40-ые годы XIX века в связи с войнами на Северном Кавказе.

28 «Прасковеевский приход» - в конце XVIII века после Пугачевского восстания государство способствовало (и помогало) строительству каменных церквей «приходов» в больших деревнях, переходящих в статус сел. Приход охватывал паству в 1000 – 2000 человек из ближайших поселений. При-

ход в честь святой Прасковей назывался Прасковеевским.

29 «Рос поселенческий поток» - Петр I ввел словный принцип организации общества: наверху – царь, последнее (.....) сословие – незаконнорожденный кухаркин сын (в большинстве случаев от хозяина-дворянина, купца, чиновника). Бродяги, отслужившие большие сроки солдаты, люмпенизированная городская масса, осужденные – относились к внесословным. При Екатерине II их записывали в Метрических церковных книгах в разряде «захребетники». При Николае I и после (до начальных лет XX века) их называли поселенцами и стали отправлять в Сибирь «на кормление в волости».

30 «И плановых переселенцев» - в истории России (СССР) было три переселенческих волны с участием государства (с льготами) Первая волна: конец XVI – конец XVIII веков (русичей, осваивавших Сибирь стали называть «чалдонами», что никакого отношения к реке Дон не имеет, а значит в вольном переводе «свободный человек» - с этим же корнем и чал (чалка), челнок, конь чалой масти – от пом..... ев). Вторая волна: 1897 г. (после строительства Транссиба – 1915 г. П. Столыпин включил этот процесс в свои реформы, потому говорят, преувеличивая его роль, о «Столыпинском переселении», хотя идея исходила от Александра III, начался процесс

при Николае I. Третья волна 1927-1929 гг. – по инициативе М.И. Калинина на прежних условиях. 50-ые годы XX века – плановое переселение из Псковской области, из Чувашии.

31 «Страну спасти мы не сумели» - такими словами П. Веденин охарактеризовал смену строя и распад СССР в 90-ые годы XX века.

32 «Не могут быть одновременно в стране два разных президента» - в сентябре 1993 г. Совет народных депутатов при Ельцине создал альтернативное правительство во главе с Руцким, заседающее в Доме Советов на Арбате.

33 В отряд его «боевиков» ????